

ЮРИЙ ЧЕРНОВ:

Нельзя пренебрегать зрителями...

Народному художнику России, действительному члену Российской академии художеств, профессору Юрию Львовичу ЧЕРНОВУ исполняется 70 лет.

— Как это ни банально звучит, жизнь проходит удивительно быстро. В ней были печальные события, но в целом она удалась. Во-первых, я встречал много хороших, замечательных людей, в современном человечестве они составляют большинство. Это приемные родители, школьные преподаватели, коллеги по Союзу художников — мои учителя в жизни и работе, с некоторыми из них я дружу по пятьдесят лет и более, и самые близкие мне люди: семья, братья, племянники. При достаточно пессимистическом моем характере это дает силы жить дальше.

Во-вторых, мне очень повезло в том, что я всю жизнь занимался любимым делом, никогда не делал того, что мне было противно. Не потому, что я особенно хороший или волевой. Так сложилась жизнь, что не пришлось подличать. Я так был воспитан или воспитал себя таким образом, что стараюсь всегда быть в работе. Утром я думаю о том, как быстрее добраться до мастерской. Мастерская — это мой мир.

— Вы все-таки больше станковист или монументалист?

— Когда в начале 70-х годов я стал заниматься монументальным искусством, я был станковистом. Тогда несколько молодых скульпторов, в их числе Олег Комов и я, открыли новую страницу в монументальном искусстве — мы отнеслись к нему как к станковому в интерьере города. Мои памятники, как правило, небольшого размера, на низких постаментах, поэтому очень контактны с людьми. Например, недавно открытый памятник Шолом-Алейхему в Москве (архитектор — Вячеслав Бухаев), высота его 4,5 метра. Он, по-моему, стал эмоциональным выражением существа этого городского пространства. Монументальная гигантомания, якобы имеющая свои формы и формообразования, — это от лукавого. Они лишены какой-либо взаимосвязи со зрителями, подчас не вписываются в городскую среду.

Я считаю, что нет существенной разницы между станковым, монументальным и декоративно-монументальным жанрами в скульптуре, они отличаются друг от друга лишь функциональной принадлежностью. Мо-

Ю. Чернов

нументальное искусство должно органически входить в пространство города и быть в нем вместе с людьми, не отрывать от них. Эти произведения непосредственно участвуют в художественном, нравственном и духовном формировании человека.

Именно такими монументально-станковыми были мои первые памятники — воинские мемориалы в Архангельске и Оренбурге, Ивану Бабушкину — в Вологде. С другой стороны, многие мои станковые работы исполнены в монументальном плане. Хотя

бы «Мурманский порт». Сами рабочие советовали мне увеличить композицию и поставить как памятник «Первостроителям».

— Монументальные работы в основном заказные. Вероятно, вы должны были следовать каким-то требованиям заказчиков, в том числе и идеологическим?

— Ни одной работы я не делал по принуждению, никогда не брался за исполнение заказов, которые мне не нравились. Хотя порой предлагали очень престижные работы. Но я не видел в них материала для каких-то интересных решений, какого-то нового осмысления темы. Словом, и в монументальном искусстве я делал то, что хотел. Поэтому все выполненные работы мне дороги. Но некоторыми я и горжусь. Это — памятники Леониду Красину и Гавриилу Илизарову в Кургане, Ивану Шадрину в Шадринске, Александру Невскому в Великом Новгороде, Юрию Гагарину в Оренбурге, Шолом-Алейхему в Москве, который, кстати, создавался с большим трудом. Его пришлось «пробивать» семь лет. Только благодаря одобрению мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова и Иосифу Кобзону, кото-

рый нашел спонсора, он наконец-то обрел свое место в городе.

Много лет работал над образом Льва Николаевича Толстого. Памятники великому писателю установлены в Канаде (сразу два!), в Оренбурге, в родовом имении родителей Льва Николаевича Никольско-Вяземском в Тульской области, а также в Индии и Японии. Небольшой памятник Чехову открыт в Мелихове, Пушкину — в Вологде, его вариант — в Дюссельдорфе, в Германии. Памятник Горькому установлен в столице Киргизии — Бишкеке.

— Насколько я знаю, вы — убежденный сторонник классического реалистического искусства, естественно, в современном его понимании. Сейчас оно подвергается активным нападкам сторонников актуального или концептуального искусства...

— Нынешние атаки на изобразительность в искусстве, которые принимают идеологи этих направлений, прежде всего связаны с полным пренебрежением к зрителям. Они говорят: «При чем здесь зритель, мы свободны от зрителя!». Представьте себе концерт или показ кинофильма,

когда в зале нет ни одного человека, а в кассе — ни одного рубля. Зачем же тогда огород городить? Как-то по телевидению передавали интервью с известным социологом. Его спросили: «Каковы достижения в современном изобразительном искусстве?» Он ответил: «Во-первых, мы избавились от цензуры; во-вторых, мы избавились от государства, и нам стало легче жить. И в-третьих, мы избавились от зрителей!».

Но как бы к зрителю ни относиться — это конкретные, живые люди, которые делают нашу жизнь, это мы с вами. И никому не позволено высказывать к нему неуважение. Зритель, которого так запросто «ликвидировали», по-моему, является полноправным участником творческого процесса. Одни люди создают искусство, другие — его воспринимают. Без этой вечной и естественной взаимосвязи искусство теряет всякий смысл.

Некоторые очень «компетентные» знатоки утверждают: «Весь мир признает актуальное искусство». Это далеко не так. Я бывал хотя и не во всем мире, но многое повидал. В том числе и совершенно безлюдные музеи, где экспонировались подобные произведения, например, спрессованные мотоциклы, кипы войлока, прижатые медными листами, кучи окурков. В одном музее в Германии я встретил такой незатейливый фокус: показывают планшет, с обратной стороны которого был вбит гвоздь. А рядом висит картина «Святой Себастьян», как полагается по сюжету, весь утыканный стрелами. Спросил смотрителя: «Для чего это?» — «Мы обучаем детей социальному мышлению, чтобы они, увидев настоящий гвоздь, ощутили состояние святого Себастьяна». Это и есть актуальное искусство. Человек получает информацию не из художественного произведения, а из каких-то иных внехудожественных ассоциаций. Таким образом «концептуалист» обрекает зрителей на абстрактное разглядывание «объекта».

Или вот — на недавней Московской биеннале, у входа в бывший Музей Ленина, были расставлены раскрашенные палочки. Может быть, это действительно остро и кому-нибудь интересно. Но невольно приходит мысль — ведь достаточно любому предприимчивому человеку изобрести подобный «концепт», и его могут объявить художником. Зачем же тогда нужны долгое профессиональное обучение, вдохновение и упорный творческий труд?..

— И снова идет ревизия «старого» искусства, передел его истории...

— Это не первая попытка кого-то вычеркнуть, кого-то возвысить и всемерно раскрутить, а других как будто бы и вообще не существовало. Кажется, что большевистская нетерпимость неискоренима: Какой огромный урон понесло изобразительное искусство, когда из него вычеркивали, например, авангард, выбрасывали многие имена. Потом задним числом пытались восстановить, исправить несправедливые, порой трагиче-

ские ошибки. Сейчас нередко происходит то же самое. При жизни Александр Герасимов уничтожал, скажем, Павла Кузнецова. Теперь их картины экспонируются в одних музейных залах. Но нельзя делать вид, что не существовало Александра Герасимова. Это будет также нелепо и вредно для понимания развития искусства.

Неужели нужно доказывать, что в демократическом обществе каждый волен заниматься своим делом, кому что по вкусу? Духовная жизнь состоит в полемическом коловращении разных идей, воззрений и понятий. Такая же картина в потреблении, как часто ныне пишут продвинутые критики изобразительного искусства. В зрительском интересе к нему также существует бесконечное разнообразие тенденций. Иначе смотрят на это радикальные представители нового искусства. Но все это мы уже проходили, равняясь на знамена соцреализма. Теперь нас пытаются выстроить в другую шеренгу.

— Что вы, как профессор, можете сказать о сегодняшней системе художественного образования?

— Здесь не все благополучно, в его цели и направленности нет никакой ясности. Хотя в художественные учебные заведения существуют огромные конкурсы. Но каждый раз я думаю: что будут делать эти молодые люди после окончания института или училища? Каким образом будет использовано их стремление к творчеству? Я, например, не могу ответить на эти вопросы.

Окончив институты, они пытаются где-то найти работу, спонсора. В большинстве своем скульпторы работают над изготовлением надгробий, оформлением загородных вилл состоятельных людей. У них не остается времени и, так сказать, душевного напряжения, чтобы думать, собственно, об изобразительном искусстве, о путях его развития, то есть о том, чем испокон веков занимались художники. Эта важная государственная проблема на государственном-то уровне абсолютно не решена.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Недавно сделал мемориальную доску замечательному художнику Ивану Васильевичу Сорokinу, которая была установлена на доме в деревне Усолье, где он многие годы жил и работал. Исполнил мемориальные доски Кукрыниксам, кинематографистам — Геннадью Шпаликову, Юлию Райзману, Борису Барнету, Сергею Раисовскому. Продолжаю работать над образом Чехова. Сейчас появилась возможность поставить памятник замечательному норвежскому путешественнику Туру Хейердалу, с которым я был дружен. Он бывал в моей мастерской, и тогда я делал его натурный портрет. Теперь я вместе с архитектором Вячеславом Бухаевым подготовил проект памятника для установки его в городе Лиллехаммере, известном международными зимними соревнованиями.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

ДОСЬЕ

Юрий Львович ЧЕРНОВ учился в Московской средней художественной школе, потом — в Художественном институте имени В.И.Сурикова, окончил его в 1960 году. Несколько раньше стал участвовать в выставках. Сейчас его работы находятся в Третьяковской галерее (более сорока), в Русском музее, в десятках музеев России и других стран. Создал много памятников, мемориальных композиций и досок (в Москве — Самуилу Маршаку, Корнею Чуковскому, Дмитрию Шостаковичу, Аркадию Райкину, Любови Орловой, Леониду Утесову), декоративных работ для оформления общественных и иных зданий. Его ранние станковые скульптуры «В Мурманском порту», «На стройке», «У колодца», «Строитель», «Лесослав», «Рыбаки», «В Горной Шории» и поздние — «Отец и сыновья», «Автопортрет с дочерью», «Время (Автопортрет с друзьями)» стали классикой отечественного искусства. Автор более 30 памятников.